

Gangnam Style: роль локальной идентичности в электоральном поведении жителей Каннама (Сеул)

Федор Чернецкий

1. Введение

Отсутствие в Республике Корея (далее – Корея или РК) классических электоральных расколов, основанных на этнической, религиозной или идеологической принадлежности, на классовой идентичности или на разногласиях по внутриполитическим, экономическим или социальным вопросам, ставит перед исследователями сложную задачу. Партийная система РК построена на региональном принципе, а идеологические партии неустойчивы, не пользуются широкой популярностью и сталкиваются с ограничениями со стороны избирательного законодательства [Цой, 2015; Morriss, 1996]. Сеульский столичный регион, находящийся вне двухполярного регионального противостояния между провинциями Кенсан и Чолла, слабо дифференцирован с точки зрения электоральных предпочтений.

Есть лишь две зоны, для которых характерно устойчивое голосование, по результатам которого один из двух основных политических лагерей получает значительно больше поддержки, чем его оппонент. В обеих преобладает голосование за консерваторов. Первая зона – периферия столичного региона, вторая – один из трех городских центров, район Каннам.

Феномен консервативного голосования жителей Каннама связывают с экономическими причинами и непринятием с их стороны так называемых прогрессистских президентских администраций 1998–2008 годов. Однако в других районах, похожих на Каннам по социально-экономическим параметрам, нет такой связи [Lee, You, 2019].

Трансформация, происходящая со страной в последние три десятилетия, сильно повлияла на электоральные предпочтения избирателей и партийную систему Кореи, однако в Каннаме электоральное поведение местных жителей стабильно. На него не влияют ни экономические, ни политические изменения. В данной статье, как

Чернецкий Федор Михайлович, студент магистратуры, кафедра социально-экономической географии зарубежных стран, географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: fedor.chezn@yandex.ru

Статья посвящена электоральной аномалии района Каннам в Сеуле, созданной идентичностью местных жителей. В Каннаме проживает городской средний класс Сеула, образовавшийся как большая социальная группа в 1970–1980-х годах. Действия властей, спекуляции недвижимостью и отчуждение жителей этого района сформировали разделение сеульцев на каннамцев и остальных горожан, а район стал символом неравенства. В однородности электоральных предпочтений каннамцев проявляется гомогенизация потребительских привычек, образа жизни и ценностей среднего класса – это эффект соседства. В первые десятилетия существования района местный электорат поддерживал действующих президентов. После перехода власти от военной администрации к гражданской один из двух главных политических лагерей, обычно именуемый консервативным, унаследовал от военных не только власть, но и поддержку жителей Каннама. Хотя основной электоральный раскол в Корею проявляется в региональном противостоянии, а крупнейшие партии опираются на электоральные базы в южных регионах страны, в самом Сеуле нет устойчивого преобладания одной политической силы. Единственное исключение – Каннам, стабильно отдающий предпочтение консерваторам. В стране, где экономические и социальные расколы практически не выражены, основным фактором при голосовании становится идентичность, региональная или локальная. Каннам – пример, демонстрирующий важность географического контекста при анализе электоральной поддержки той или иной партии или кандидата в разных районах города. Фактор места для электорального поведения здесь оказывается важнее любых внепространственных факторов, обычно влияющих на итоги голосования. Концепция электоральных расколов оказывается не применимой в Каннаме. Возможно, особая электоральная культура этого района практически не подвержена влиянию социальных и экономических изменений в стране и городе. Внутренняя электоральная дифференциация Каннама обусловлена локальным контекстом, идентичностью местных жителей и принадлежностью к сообществу.

и в ряде недавних работ других исследователей, утверждается наличие прочной связи между электоральной аномалией Каннама и локальной идентичностью, порожденной особой ролью образования в корейском обществе, специфичным развитием района и образом жизни каннамцев [Bae, Joo, 2020; Yang, 2018]. Эта идентичность определяет не только позиционирование местных жителей на выборах национального или регионального уровней, но и на районном уровне.

В первой части статьи дана характеристика политического контекста исследуемой аномалии. Далее приведена последовательность политических решений, событий и процессов, создавших современный Каннам. В третьей части продемонстрирована связь электоральных предпочтений жителей Каннама с местной идентичностью, основанной на определенном образе жизни, типе застройки и принадлежности к среднему классу. Отдельно рассмотрена внутрирайонная электоральная дифференциация по данным результатов выборов нескольких уровней (региональных и национальных) в период с 2010 по 2021 год. В заключении формулируется дополнительный исследовательский вопрос о пространственной динамике электоральной аномалии Каннама и предположения о возможных направлениях и причинах такой динамики.

2. Партии, выборы и южнокорейская специфика

Для большинства стран, обладающих устойчивыми демократическими институтами, характерно деление электората и партийного истеблишмента на группы, определяемые социальной, этнической, религиозной или классовой близостью. В отдельных частях политического спектра могут возникать персоналистские или региональные не идеологизированные партии или фракции, однако они часто маргинальны и не существуют долго. С этой точки зрения пример политической системы современной Республики Корея уникален.

Партийную систему этой страны можно охарактеризовать как «двух с половиной партийную», то есть при доминировании двух больших партий есть несколько регулярно сменяющихся миноритарных фракций [Андропова, 2014]. При этом сравнение дихотомии между двумя основными партийными лагерями, которые принято называть консервативным (или правым) и либеральным (или левым/прогрессистским), с различиями между основными партиями в США, Великобритании, Австралии, Польше или Грузии здесь некорректно. Названия этих основных партий (или групп партий) не следует понимать как отсылающие к их идеологическому базису, так как в РК отсутствуют классические идеологические расколы.

Две основные политические силы сформировались не на основе идеологических противоречий, а за счет противостояния отдельных политиков. Идеиные же расхождения относятся в большей степени к внешней политике, а не к внутренней [Цой, 2015; Morriss, 1996]. Консерваторы наследуют партиям власти, существовавшим во времена правления военных (1961–1992), а переход от военной администрации к гражданской происходил внутри коалиции, кристаллизовавшейся в партию и состоявшей из старых элит и наиболее близких к ним оппозиционеров в лице Ким Енсама. Либеральный лагерь наследует множеству партий и движений, находившихся в оппозиции к военным властям.

То есть южнокорейским партиям не свойственен конкретный набор идеологических установок, если не считать отношения к отдельным эпизодам национальной истории и некоторым внешнеполитическим вопросам, а внутрипартийное разнообразие взглядов на экономические или социальные вопросы куда больше различий между партиями [Hochul, 2002; Nix, Jun, 2009].

Ключевые слова: Республика Корея; Каннам; Сеул; политическая география; электоральная география; идентичность

Цитирование: Чернецкий Ф.М. (2022) Gangnam Style: роль локальной идентичности в электоральном поведении жителей Каннама (Сеул) // Городские исследования и практики. Т. 7. № 2. С. 71–86. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp72202271-86>

Фундаментом, на котором выстроена и удерживается партийная система Кореи, является регионализм. Чаще он проявляется, если у региона есть серьезные отличительные особенности: «сегментарные различия могут иметь религиозную, идеологическую, языковую, региональную, культурную, расовую или этническую природу» [Lijphart, 1977, p. 38]. В таких случаях возникают партийные структуры, представляющие регион на национальном уровне.

В Республике Корея ситуация выглядит совершенно иначе, так как здесь нет значительных этнических меньшинств, а разница в конфессиональном составе населения отдельных регионов хоть и значительна, но не имеет никакого политического значения. Нет и большой дифференциации между провинциями по уровню жизни или по общим экономическим показателям, а внутрирегиональные различия куда выше межрегиональных. При этом четкая разница между регионами в электоральном поведении есть, но она не объясняется классическими теориями электоральной географии. Например, концепция социальных расколов, описанная Рокканом и Липсетом на примере выборов в Норвегии, предполагает высокую степень зависимости партийной структуры и результатов выборов от социальных и экономических расколов в обществе [Lipset, Rokkan, 1967].

На большинстве электоральных карт, отражающих распределение поддержки основных двух кандидатов на выборах, выделяются два южных региона, представляющих главные политические партии. Кенсан¹ (юго-восток) выступает в роли электоральной базы консерваторов, а Чолла (юго-запад) – либералов. В период апогея влияния регионализма на электоральное поведение избирателей в 1990-е годы поддержка партий в «домашних» регионах составляла 80–95%, а во «вражеских» регионах – 5–15%.

Называют две причины такой конфигурации. Согласно исторической, на формирование региональной идентичности повлияло давнее разделение Корейского полуострова на три государства: Когуре, Пэкче и Силла [Kwon, 2004]. Альтернативная теория (экономическая) апеллирует

к неравномерности развития Кореи во времена индустриализации из-за дискриминации одного региона (Чолла) и поощрения другого (Кенсан). В 1961–1987 годах выходцы из Кенсана составляли большинство в политической и экономической элитах страны, а основным оплотом оппозиции являлся регион Чолла [Kim, 1996; Lee, 1993]. Например, из шести мэров Сеула, управлявших столицей во время пребывания на президентском посту Пак Чонхи, четверо были выходцами из Кенсана [Cho, Kwon, 2021]. В то же время представительство других регионов в руководстве страны уступало Кенсану, а развитие их провинций было вторичным по сравнению со стремительным ростом столичного региона и юго-востока страны [Chon, 1992].

Однозначная ассоциация избирателей с кандидатами из их регионов – проявление политического регионализма. На первых свободных и конкурентных выборах этот феномен даже оказывался сильнее политологических закономерностей. Согласно одному из положений закона Дюверже, в системе с мажоритарными выборами должна формироваться двухпартийная или близкая к ней система [Duverger, 1959]. В Корее же отсутствие идеологических расколов – за исключением разделения на сторонников и противников преемников авторитарного режима – и наличие региональных лидеров породило трех-четырёхпартийную систему, в которой каждая партия представляла свой регион.

Сеул в контексте регионального противостояния

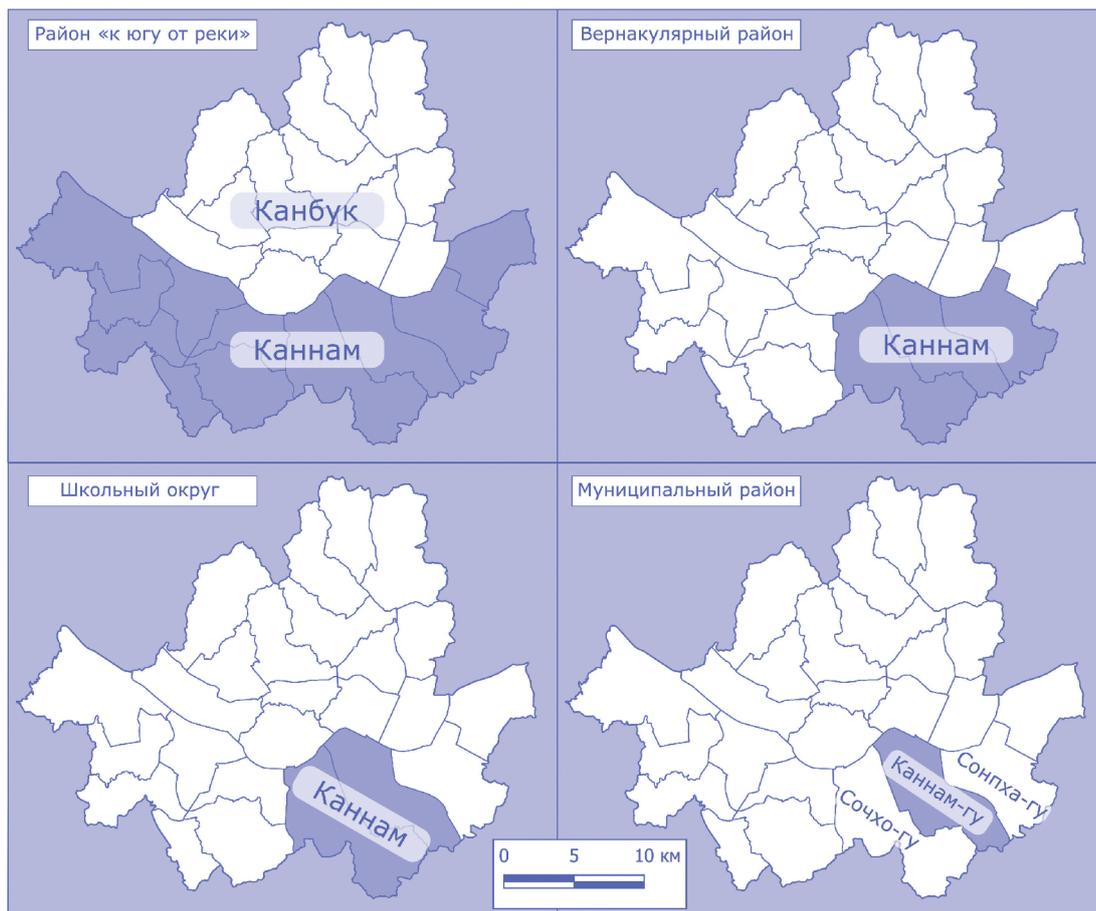
Парадоксально, но Сеульский столичный регион, концентрирующий половину избирателей страны и колеблющийся между основными политическими лагерями, а следовательно, решающий исход выборов, не имеет представительства в партийной системе. В парламенте присутствует немало представителей этого региона, но они вынуждены встраиваться в партийные структуры, лидерами которых являются выходцы из Кенсана или Чолла.

Из-за наличия в Корее поколенческого раскола в электоральных предпочтениях периферия Большого Сеула выделяется повышенной поддержкой консерваторов. Доминирование правых в этих слабо урба-

1. Кенсан и Чолла – названия, используемые для обозначения соответствующих провинций, тогда как регионы, образующиеся из них и центральных городов, называются Йоннам (Северная Кенсан, Южная Кенсан, Пусан, Ульсан и Тэгу) и Хонам (Северная Чолла, Южная Чолла и Кванджу) соответственно. В данной статье для обозначения регионов и провинций используются одни и те же названия.

Рис. 1. Четыре варианта определения границ Каннама

Источник: составлено автором.

низированных районах обусловлено преобладанием в них пожилых избирателей, чья электоральная активность вдвое выше, чем у молодых, а партийная ориентация однозначна [Chang, Vae, 2012]. При этом ядро поддержки либералов – так называемое поколение 386² – не концентрируется в конкретных районах, поэтому в центральной части Большого Сеула уровни поддержки основных партий или кандидатов сопоставимы.

В итоге колеблющиеся от выборов к выборам молодые избиратели Сеула и определяют исход голосований, однако распределение поддержки основных партий в городе равномерно, за исключением районов университетских кампусов, избиратели в которых симпатизируют левым, и района Каннам, стабильно голосующего за правых. Аномалии на электоральных картах, связанные с университетами, невелики и не сконцентрированы в одном рай-

оне, тогда как аномалия Каннама уникальна во всех отношениях.

3. Создание Каннама

Каннам – район на юго-востоке Сеула, границы которого можно определить четырьмя способами (рис. 1). Буквальный перевод названия района – «к югу от реки» («강» – река, «남» – юг), поэтому данный топоним применим ко всему Сеулу, расположенному на левом берегу реки Ханган, пересекающей город с востока на запад. В узком смысле Каннам соотносится с одним из 25 муниципальных районов («-гу») Сеула. Однако обычно под этим названием подразумевают «три района Каннама»: Сочхо-гу, Каннам-гу, Сонпха-гу. При появлении и развитии этого вернакулярного района³ формальные границы были практически не важны, вследствие чего в него попала область в центре и на севере трех

2. Поколение 386 – поколение южнокорейского общества, рожденное в 1960-е годы, активно участвовавшее в качестве студентов в движении за демократизацию в 1980-е и достигшее возраста 30–40 лет в 1990-е годы. Сейчас это же поколение иногда называют «поколение 586», так как сегодня ядром этой группы являются пятидесятилетние.

3. «Вернакулярный район – тип географического района, бытующий в обыденном сознании общества или его части в виде образа определенной территории, обладающей названием и специфическими качествами» [Горкин, 2013].

данных муниципалитетов, прилегающих к реке. Отметим и особую роль образования в формировании современного Каннама, вследствие чего возможно еще одно понимание границ этого района, соответствующего школьному округу №8 (Сочхо-гу и Каннам-гу) [Hahn, Wang, Yang, 2018]. В данной статье о Каннаме говорится в границах вернакулярного района.

До 1970-х годов Сеул занимал лишь правобережную (северную) сторону реки Ханган, там располагался «старый город», основные административные и военные объекты. Отсутствие мостов через реку в восточной части города сдерживало его развитие, а освоение левобережья началось лишь в районе острова Ёйдо, где мосты были построены еще в начале XX века. Район современного Каннама до его активной застройки ассоциировался у жителей Сеула с нищетой, отсталостью и периферийностью [Kim, 2014]. На южном берегу реки во время и после Корейской войны (1950–1953) в трущобах массово селились беженцы, позже – выходцы из соседних провинций, а также «скваттеры» из центральной части города, выселенные в ходе перестройки их районов [Ha, 2004]. Каннам не выделялся среди других периферийных районов Сеула, в котором в середине 1960-х годов около трети жилого фонда составляли трущобы [Shin, Kim, 2016].

Роль государства в развитии Каннама

Ситуация изменилась в начале 1970-х годов, когда правительство Республики Корея решило ограничить развитие перенаселенной северной части столицы (Канбук) и стимулировать застройку левобережья Хангана (Каннам) [Cho, Kwon, 2021]. Основной мотив военных властей заключался в необходимости обезопасить основные инфраструктурные и административные объекты, расположенные всего в нескольких десятках километров от границы с КНДР. Опасения, связанные с возможностью новой войны, и несколько диверсионных атак северокорейских отрядов способствовали решению создать на южном берегу Хангана два новых городских центра и развернуть пространственное развитие Сеула с северного направления на южное [Cho, Kwon, 2021]. В Каннаме строятся новые здания для министерств, государственных служб регионального уровня, некоторых культурных учреждений. На юго-запад от Каннама переносится и главный университет страны – Сеульский национальный университет.

Параллельно строительству инфраструктурных объектов и переносу административных учреждений в Каннаме развивается активное жилищное строительство, о характере которого речь пойдет в следующем разделе. Отметим лишь, что тип застройки был нетипичен для Кореи тех лет. Многоэтажные здания, «апатхы» (от английского *apartments*), ассоциировались у жителей Сеула с социальным жильем плохого качества. В 1970 году один из первых проектов многоэтажного квартала закончился обрушением зданий и гибелью трех десятков человек [Park, 2019].

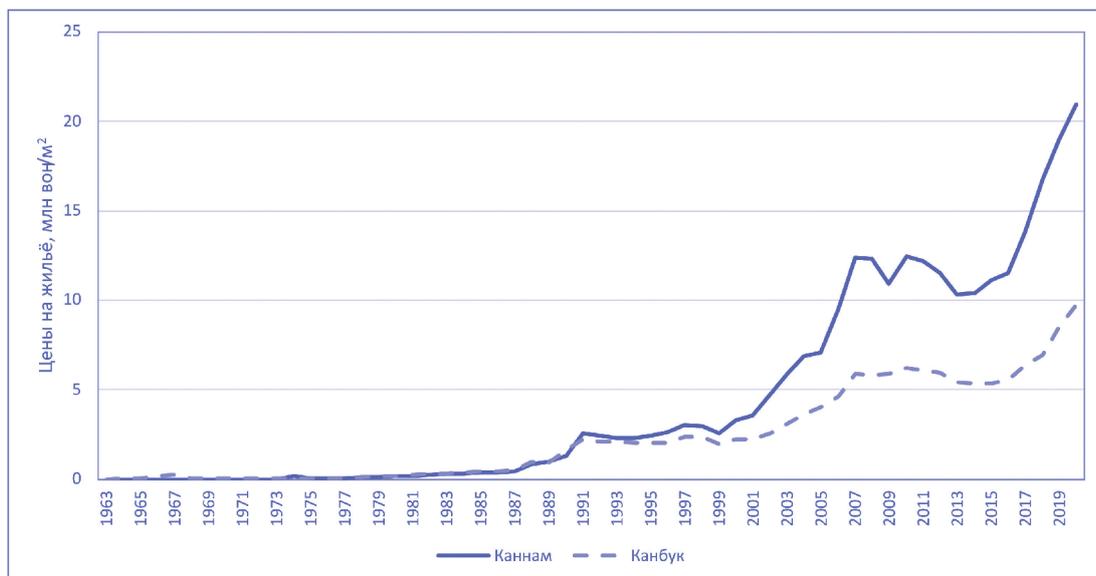
Зарождающийся столичный средний класс в новый и нетипичный район должны были привлечь не только перенос их рабочих мест из центра города и активное пропагандирование жилья в многоэтажках, но и хорошее образование. В южнокорейском обществе роль образования традиционно являлась одной из важнейших составляющих статуса и успешности человека [Kim, 2015].

До 1974 года в Сеуле средние школы принимали учеников по результатам собственных вступительных экзаменов, а место проживания не учитывалось. Теперь же реформой вводился единый экзамен, по результатам которого ученики распределялись в школы, находящиеся в их округе [Lee, 2015]. Было создано пять школьных округов, в каждый из которых входили как центральные районы города, так и периферийные. Округ №3 состоял из юго-восточной части центра и востока левобережья Хангана (современные районы Сочхо, Каннам, Сонпха и Кандон). Тогда же в Каннам была перенесена лучшая школа столицы (Кенги), 50% выпускников которой поступали в Сеульский национальный университет; перенос вызвал стремительный рост цен на недвижимость в соседних со школой районах [Lee, 2015].

Если до реформы и активного развития Каннама средний класс Сеула не концентрировался в каком-либо районе и был рассеян по городу, то в новых обстоятельствах место проживания приобрело значение, так как для попадания в хорошую школу недостаточно хорошо сдать экзамен, необходимо было жить в соответствующем школьном округе. Вслед за Кенги еще несколько престижных школ столицы переехали в новый район, что тоже способствовало росту цен на недвижимость и повысило престижность места [Yang, 2018]. В итоге внутри школьных округов неравенство в ценах на землю

Рис. 2. Изменение цен на жилую недвижимость в Каннаме и Канбуке в 1963–2020 годы

Источник: [KREA].

и доходах домохозяйств снижалось, а неравенство между округами возрастало [Lee, 2015].

Сейчас в новой схеме ядру округа №3 соответствует округ №8, включающий в себя районы Каннам и Сочхо (рис. 1). Этот округ лидирует по количеству хагвон⁴, а доля детей, обучающихся английскому языку за границей, в Каннаме в 10 раз выше, чем в среднем по стране. Местные жители подчеркивают эту особенность, четко проводя с ее помощью границу между «своими» и «чужими», так как традиция отправлять детей в летние языковые лагеря в США, Великобританию или Австралию является маркером принадлежности к местному сообществу [Lee, 2016]. В 2010-е годы около 40% первокурсников университетов SKY⁵ были выпускниками каннамских школ [Bae, Joo, 2020].

Застройка

Стремительный рост стоимости недвижимости в Каннаме (рис. 2) сформировал неравенство между жителями района и остальными сеульцами, при этом на идентичность места проецировалась и классовая [Kim, 2014]. С определенного момента жители Каннама стали автоматически считаться средним или верхним средним классом, а человек со сходной

занятостью, доходами и условиями жизни, но проживающий вне Каннама, из среднего класса исключался [Lett, 2020].

Причин трансформации района из периферийного в центральный несколько. Во-первых, уже были отмечены роль национального и регионального правительств, переноса и строительства инфраструктурных объектов и образовательных учреждений. Во-вторых, выделяют чисто экономическую причину, связанную со спекуляциями недвижимостью в рамках совместных проектов перепланировки (joint redevelopment project, JRP) и появлением в районе штаб-квартир чеболей⁶, спортивных объектов для Азиатских игр 1986-го и Олимпийских игр 1988 года, крупных универмагов и объектов развлекательной индустрии [Bae, Joo, 2020]. В-третьих, сыграла роль особая идентичность местных жителей, сформировавшаяся на фоне первых двух причин из-за уникальной для Сеула 1970-х годов многоэтажной застройки (апатхы), хорошего образования и закрытых сообществ [Yang, 2018].

В 1971 году в Ичхоне и Еыйдо реализуются два успешных проекта многоэтажной застройки, которые становятся прообразами Каннама [Park, 2019]. Государство отказывается от строительства жилья своими силами из-за отсутствия средств, большая

4. Хагвон – учреждение дополнительного образования («школа зубрежки»), вечерние курсы по подготовке к поступлению в университеты.

5. SKY – три лучших университета РК: Сеульский национальный университет, Университет Йонсей и Женский университет Ихва.

6. «Чеболь» – южнокорейская форма финансово-промышленных групп. Конгломерат, представляющий собой группу формально самостоятельных фирм, находящихся в собственности определенных семей и под единым административным и финансовым контролем» [Jung, 2004].

часть которых инвестируется в тяжелую промышленность, низкого качества строительства и коррупции. Вместо этого чеболям, большинство из которых имели строительные подразделения, выдавались дешевые кредиты, а местные власти активно сотрудничали с застройщиками, меняя статус землепользования, продавая дешевую государственную землю и пополняя этим бюджеты [Shin, 2009]. Кроме того, стимулируется вложение средств будущими жильцами в строительство на ранних стадиях, вследствие чего те, кто успел инвестировать в начале застройки района, разбогатели куда стремительнее, чем представители последующих волн переселенцев в Каннам.

Еще один фактор, повлиявший на резкий приток частного капитала в жилищное строительство, – традиционная корейская система аренды жилья. Обычно аренда предполагает ежемесячную оплату с депозитом или без, тогда как в Корее оплата по месяцам использовалась редко. В большинстве же случаев используется система чонсэ.

Чонсэ – способ аренды жилья, при котором арендатор вносит депозит в размере 60–90% от стоимости жилья, возвращающийся по окончании срока аренды, то есть через 2–4 года [Kim, You, 2021]. По сути, арендодатель получает беспроцентный кредит, который он может инвестировать, например, в строительство нового жилья, которое также будет арендовано через систему чонсэ, а новый депозит арендодатель использует для расчета с арендатором своего первого жилья. Арендатор же бесплатно снимает жилье, если у него, конечно, найдутся средства на депозит.

В итоге при высоких темпах строительства, норме прибыли и росте цен на недвижимость владелец жилья в Каннаме мог, сдавая его в аренду, бесконечно инвестировать в строительство нового жилья, обзаводясь десятками новых и растущих в цене квартир. Система чонсэ вместе с активной миграцией корейцев из сельской местности в города, дерегулированием рынка жилищного строительства и приходом в него крупных компаний-чеболей вызвали строительный бум по всей стране, и особенно в Каннаме, где норма прибыли была колоссальна, а спрос постоянно увеличивался за счет хорошего образования в соответствующем школьном округе и формирования положительного образа Каннама [Kang, 2020].

Стремительный рост цен на недвижимость и регулярные проекты переплани-

ровки вынуждали наименее обеспеченных жителей Каннама переезжать в менее дорогие районы, тогда как на их место переезжали представители нового среднего класса: государственные чиновники, работники СМИ, сотрудники среднего и верхнего звена чеболей, медицинских учреждений и университетов. До Каннама средний класс Кореи не существовал как осмысленная социальная группа, но с изменением условий в сфере образования и с трансформацией образа дорогого жилья средний класс материализовался в пространстве Каннама [Gelezeau, 2007].

Каннам производит около 1/3 ВРП Сеула, хотя на него приходится около 16% населения города (1,6 млн из 9,9 млн). В некоторых областях доля этих трех муниципальных районов доходит до 40% (недвижимость, оптовая и розничная торговля) [KOSIS]. Каннам является одним из трех центров занятости столицы и остается им даже при общей децентрализации миграционных потоков и занятости в Сеуле [Kwon, 2021]. Именно роскошность и богатство Каннама породили выражение *Gangnam style*, подчеркивающее исключительность и модность района и ставшее широко известным за пределами Кореи после выхода одноименного музыкального клипа.

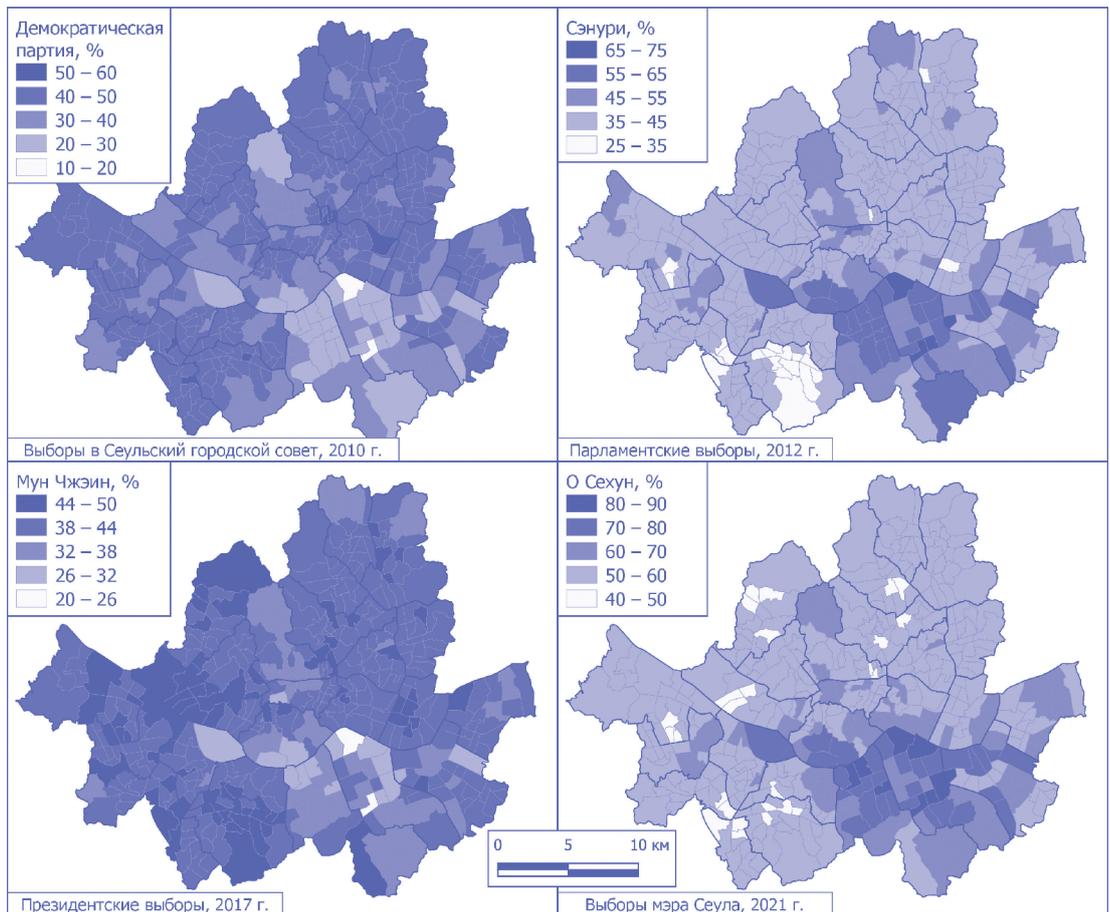
4. Электоральная аномалия Каннама

В Республике Корея отсутствует классовое голосование, а география поддержки двух основных партий определяется регионализмом, возрастом избирателей, ретроспективным и эмоциональным голосованием [Lee, You, 2019]. Подобная ситуация совершенно нетипична как для стран, близких к РК по уровню развития или типу политических институтов, так и для стран, совершенно отличающихся от нее. В этих условиях регулярно предпринимаются попытки обнаружить классовое голосование в отдельных регионах, или выявить обратное классовое голосование, или проследить динамику увеличения роли доходов или образования при голосовании.

Азиатский финансовый кризис 1997 года усилил неравенство в южнокорейском обществе, особенно в Каннаме [Kim, 2015]. Именно эта область, а также периферийные районы столичного региона с преобладанием бедного электората иногда привлекаются как примеры в дискуссии о наличии или отсутствии влияния дохо-

Рис. 3. Голосование за либералов (слева) и консерваторов (справа) на выборах разных уровней

Источник: составлено автором по данным [KOSIS].

дов/класса избирателя на его электоральные предпочтения [Lee, You, 2019]. Действительно, жители Каннама устойчиво голосуют за консерваторов (рис. 3). Однако этот феномен не является следствием экономического голосования, а, вероятно, обусловлен влиянием особой идентичности местных жителей.

Отметим, что для значительной части жителей Сеула региональный фактор является существенным, вследствие чего около 2/3 выходцев из Чолла и Кенсана голосуют за кандидата или партию, представляющую их «домашний» регион. Причем это характерно не только для национальных выборов, но и для выборов мэра или состава городского совета. Привычные социальные расколы на выборах этого уровня не соотносятся с электоральными расколами [Choi, 2013]. Электоральные расколы на местном уровне проецируются на президентские и парламентские выборы [Park, 2003].

Голосование в Сеуле за пределами Каннама и университетских кампусов очень волатильно, так как именно столичный регион концентрирует не только большинство активного электората, но и большинство неопределившихся или колеблющихся избирателей. Стабильны

электоральные предпочтения лишь у пожилых избирателей, голосующих за консерваторов, и у поколения 386, тогда как молодые избиратели часто меняют свою партийную ориентацию, хотя они и могут массово отдавать предпочтения одной и той же партии в какой-то период времени [Chang, Bae, 2012].

То есть причины, из-за которых в том или ином районе города возникает устойчивое голосование за одну и ту же политическую силу, не имеют отношения ни к возрасту, ни к занятости, ни к доходам местных избирателей. Одни богатые районы поддерживают консерваторов, другие – регулярно голосуют против них. Районы со значительной долей избирателей, находящихся за чертой бедности, стабильно поддерживают правых, но если учесть возрастной раскол, то фактор бедности почти не влияет на выбор между партиями, прослеживается лишь небольшая положительная корреляция с голосованием за левых, а не за правых [Lee, You, 2019].

Объяснение консервативного электорального поведения жителей Каннама можно найти в локальной идентичности. В 1970–1980-х годах численность среднего класса Сеула активно росла, он оказался

собран в пространстве соседствующих кварталов с однотипной и одновозрастной застройкой. Этот «анклав корейской правящей элиты» активно конструировал в СМИ, на которые он имел исключительное влияние, и образ самих себя, и образ места, с которым средний класс начал себя неразрывно ассоциировать [Baе, Joo, 2020].

Сформировался район с составом жителей, однородным по образованию, занятости и доходам, вследствие чего потребительские привычки и образ жизни каннамцев стали гомогенизироваться. Для четкого различения «своих» и «чужих», каннамцев и не-каннамцев, среди жителей района стало модным пользоваться определенными марками автомобилей и бытовой техники, покупать определенную мебель, ходить в конкретные универмаги и магазины, отправлять детей в определенные хагвоны и летние языковые лагеря [Yang, 2018]. Процессу стандартизации образа жителей Каннама помогало и относительно недавнее приобретение ими статуса и высоких доходов, так что потребительские привычки этих «нуворишей» еще только формировались, а старый средний класс активно размывался новым [Baе, Joo, 2020].

Местные домохозяйки активно занимались спекуляциями недвижимостью, что формировало у остальных сеульцев резко негативный образ нового района, и рефлексией над различиями между каннамцами и другими столичными жителями. Они проводили бинарные различия между своим чистым, тихим, просторным, дружелюбным и цивилизованным районом и соседними районами, грязными, шумными, узкими, опасными и отсталыми. Они формировали закрытые сообщества, основанные на принадлежности к среднему классу и проживании в апатхах в Каннаме [Shin, Kim, 2016].

Сообщества активно противодействовали строительству социального жилья в своем районе, а также продаже кем-либо из соседей своей квартиры неместному, то есть старались контролировать цены на свою недвижимость. Коллективные действия, создание, дополнение и пропаганда бренда места, а также рост неравенства, начавшийся в 1990-е годы и приведший к росту негативного отношения к каннамцам со стороны жителей остального Сеула, четко определили для каннамцев границы своего района, причем как пространственные, так и социальные [Baе, Joo, 2020].

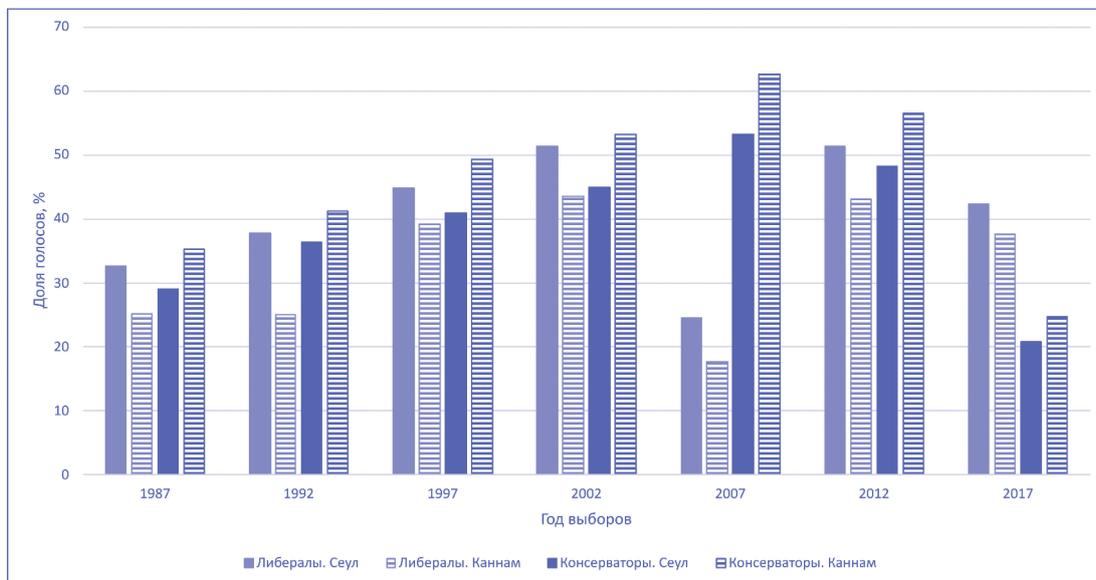
Южнокорейский средний класс сформировался не по обычной модели из-за роста доходов и уровня образования. К классическим факторам добавились спекуляции недвижимостью и идентичность, завязанная на место и образ жизни [Yang, 2018]. Гомогенизация образа жизни среднего класса в Каннаме затронула и электоральное поведение. Одинаковые интересы подавляющего большинства жильцов района и их тесная связь с политической элитой города и страны привели к однозначной ориентации каннамцев на партию власти. Значительная часть местных жителей все же отдавали предпочтение и представителям оппозиции, однако из них больше симпатий получал кенсанец Ким Енсам, а не его оппонент, представляющий регион Чолла. Это отличало Каннам от остального Сеула, где соотношение было обратным. После слияния трех античолланских партий между выборами 1988 и 1992 годов жители Каннама в своих электоральных предпочтениях естественным образом склонились к консервативному лагерю во главе с Ким Енсамом.

Даже после реформ пришедшего ему на смену либерального правительства, которые в том числе были направлены на дерегулирование рынка недвижимости, отвечавшее интересам среднего класса, каннамцы не стали более лояльны к либералам. Тем более увеличилась антипатия к левым у местных жителей после введения президентом Но Мухеном нового налога на дорогую недвижимость, так как 2/3 облагаемых им квартир находились именно в Каннаме [Baе, Joo, 2020].

По динамике поддержки либеральных и консервативных кандидатов на президентских выборах с 1987 года отчетливо видно постоянство соотношения поддержки кандидатов в Каннаме и в Сеуле в целом (рис. 4). В Каннаме доля голосов, отданных за правых, всегда на 7–10 п.п. выше, чем в среднем по городу. Вопреки гипотезе об экономическом генезисе каннамской электоральной аномалии, преобладание консервативного голосования в данном районе прослеживается с 1987 года, а не с выборов 2002 или 2007 годов, на которых каннамцы могли голосовать, исходя из своего отношения к действующей либеральной администрации.

Наоборот, с 1987 по 2002 год прослеживается устойчивый рост поддержки левых кандидатов, что связано с сокращени-

Рис. 4. Поддержка кандидатов в президенты в Сеуле и Каннаме в 1987–2017 годы
 Источник: составлено автором по данным [KOSIS].

ем доли голосов за «третьих кандидатов» – как центристских, так и региональных. Однако их электорат не переходил целиком к консерваторам, а равномерно распределялся между двумя основными политическими лагерями.

Механизм конвертации локальной идентичности закрытых сообществ Каннама в устойчивое и нетипичное для Сеула электоральное поведение в данной работе рассматривается как проявление эффекта соседства.

В системах с ослабленной ролью социальных и экономических эффектов отмечается повышенная роль контекстуальных электоральных эффектов [Johnston, 1974]. Первые работы об эффекте соседства показывают, что британские рабочие, проживающие в прибрежных курортных городах с преобладанием поддержки тори, в меньшей степени поддерживают Лейбористскую партию, чем рабочие, проживающие в промышленных районах, где они составляют большинство электората [Butler, Stokes, 1969]. Хакфелдт и соавторы, исследовавшие данный эффект в Саут-Бенде (штат Индиана, США), указывают на сильную связь между тем, с кем общается избиратель, и тем, как он в итоге голосует [Huckfeldt, 1995].

Каннамцы, находившиеся на протяжении десятилетий в более тесных связях друг с другом, чем жители других районов, приобрели устойчивую ориентацию на консерваторов благодаря общению внутри локальных сообществ. В первые десятилетия существования района в условиях преобладания лоялистов остальные жители подстраивались под большинство, присоединяясь к нему.

Эффект соседства – недостающее звено между, с одной стороны, исключитель-

ной историей развития и уникальными локальными сообществами и, с другой – уникальным электоральным поведением. Как охарактеризовал данный эффект Уильям Миллер, «те, кто общается друг с другом, голосуют одинаково» (people who talk together vote together) [Miller, 1977, p. 65].

Внутренняя электоральная дифференциация

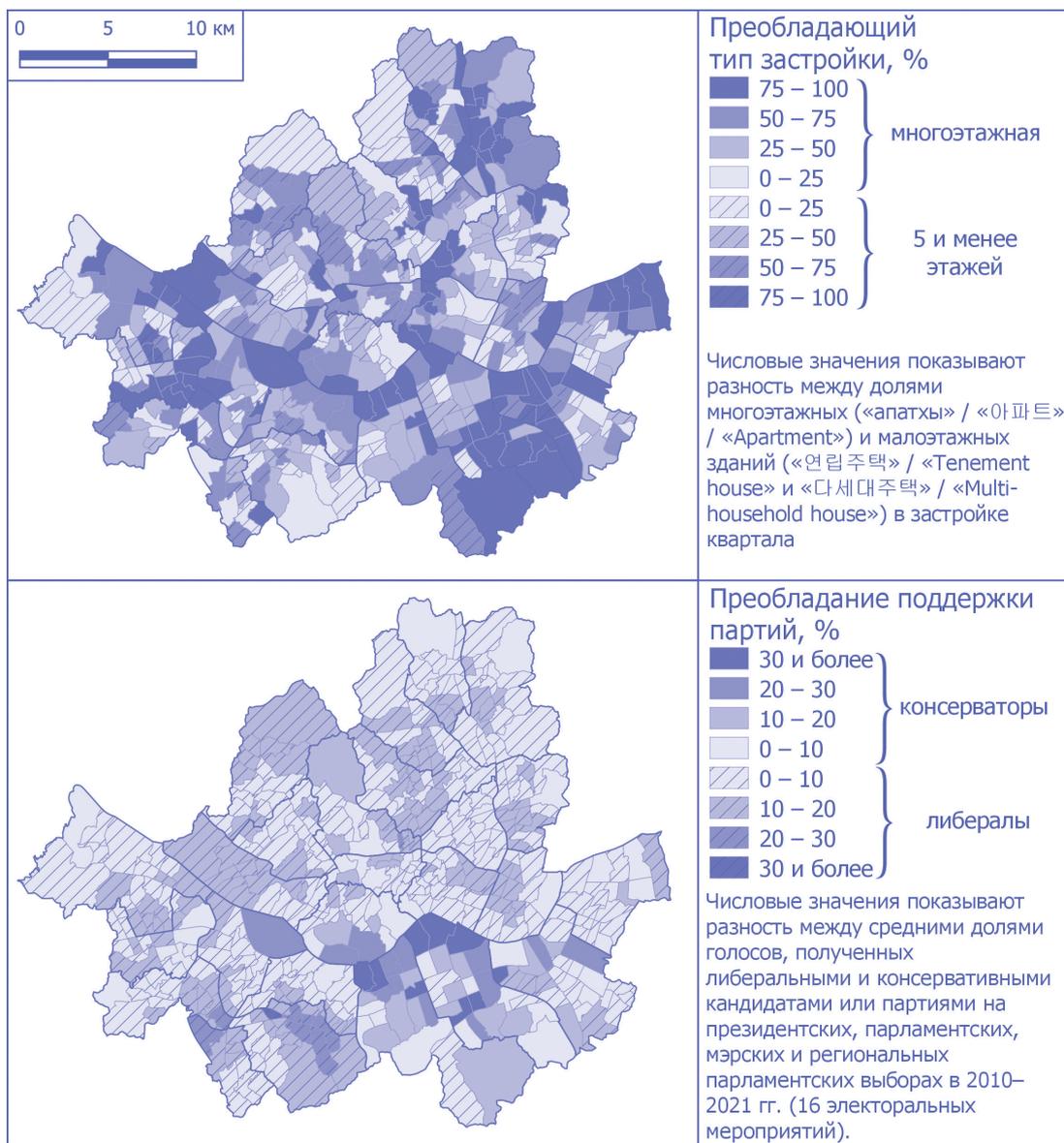
Оказывается, ретроспективное голосование, основанное на экономических мотивах, связанных с рынком жилья, не оказывает существенного влияния на электоральные предпочтения жителей Каннама. Внутренняя электоральная дифференциация Каннама демонстрирует связь поддержки консерваторов на выборах с долей многоэтажной застройки в структуре жилого фонда (рис. 5).

Идентичность каннамцев неразрывно связана с определенным типом застройки, в том числе вследствие этого восприятие района в разных его частях неоднородно. Жители ядра Каннама (кварталы Апгуджон, Чондам и Синса), прилегающего к реке Ханган, воспринимают свой район наименее широко: для них Каннам сводится к границам их кварталов. Жители районов Сочхо и Сонпха включают в Каннам северную часть одноименного муниципального района, а также западную и восточную части своих районов соответственно [Lee, Lee, 2011].

Большинство каннамцев воспринимают себя как средний класс, но жители ядра района, проживающие в апатхах, четко разделяют свои сообщества, относя их к верхнему среднему классу, и осталь-

Рис. 5. Тип застройки и результаты выборов в Сеуле

Источник: составлено автором по данным [KOSIS].

ных жителей Каннама, относящихся к среднему классу или не включаемых в него вовсе [Lee, Lee, 2011].

Отметим, что распространение образа среднего класса за пределы Каннама не сопровождалось распространением соответствующего электорального поведения. В восточной части Канбука многоэтажная застройка встречается так же часто, как и в южной части Сеула, однако ареала устойчивого преобладания голосования за консерваторов в этой части города нет. В районах Новон, Сондон и Кансо апатхы, как и в Каннаме, преобладают, уровень доходов в некоторых их частях сопоставим с каннамским, но либералы в них набирают в среднем на 7–12 п.п. больше, чем консерваторы [Kim, 2021]. Такой же разрыв в поддержке основных партий наблюдается и в районе Кванджин, где доля многоэтажной застройки составляет всего 5–25%. Можем предположить, что именно наличие

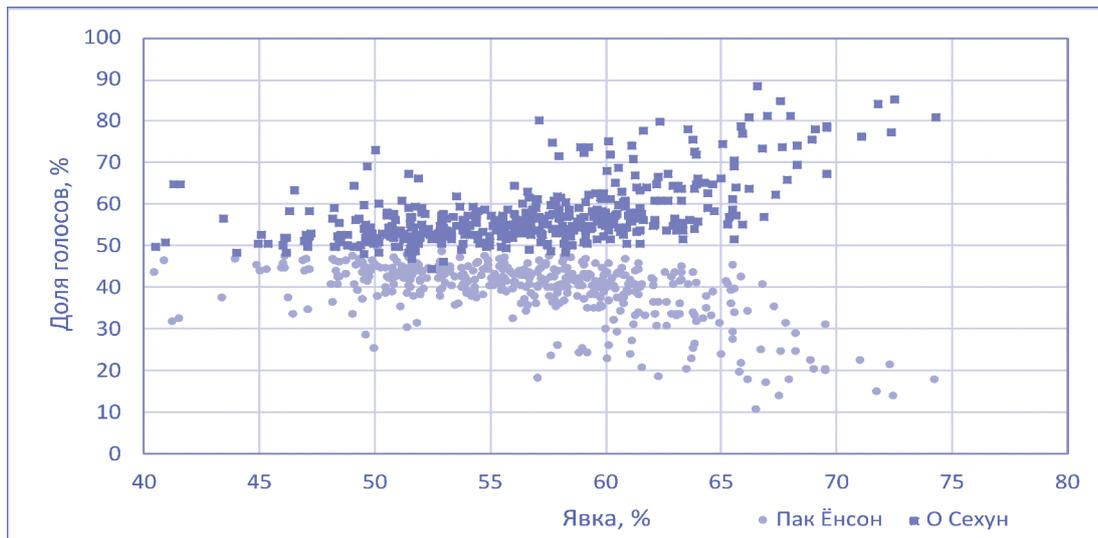
локальных сообществ и их идентичности создает устойчивое преобладание поддержки консерваторов в Каннаме, тогда как в других богатых районах с многоэтажной застройкой сообщества и идентичности не сформировались и электоральное поведение определяется какими-то иными факторами.

Четкая связь прослеживается лишь в южной части города, прилегающей к Хангану, от восточной части Янчхона до Кандона. Апогея влияние типа застройки и локальных сообществ достигает в центральной части Каннама и на северо-западе Сонпха (район Джамсил). Области преобладания голосования за левых совпадают с анклавами малоэтажной застройки и низких цен на недвижимость [Kim, 2021].

На региональных выборах в Сеульский городской совет либералы даже могут побеждать в одномандатном округе Каннама

Рис. 6. Зависимость доли голосов, отданных за кандидата-либерала (Пак Ёнсон) и консерватора (О Сехун), от явки по кварталам на мэрских выборах 2021 года в Сеуле

Источник: составлено автором по данным [KOSIS].

№2, соответствующем заштрихованной белой области в западной части Каннам-гу (рис. 5). В отличие от остальной части Сеула, где уровни поддержки основных политических сил сопоставимы и однородны, в Каннаме средние показатели голосования складываются из двух полярных групп. В одной поддержка консерваторов достигает 70%, тогда как во второй она сопоставима с долей голосов, отдаваемых за кандидатов-прогрессистов, и составляет 35–40%.

Электоральная аномалия Каннама выделяется на фоне Сеула так же, как и районы, обладающие особой электоральной культурой. Здесь устойчиво повышена не только поддержка определенной части политического спектра, но и явка. Доля многоэтажек в застройке положительно коррелирует с явкой по всему Сеулу, однако в Каннаме эта связь сильнее, к тому же, вероятно, добавляется эффект мобилизации в рамках локальных сообществ, повышающий явку.

В итоге большая часть районов с самыми высокими уровнями явки находится в Каннаме (17 из 23 районов с явкой более 66% на мэрских выборах 2021 года), а поддержка консерваторов отрицательно коррелирует с уровнем абсентеизма избирателей (рис. 6). Подобная электоральная аномалия, а именно зависимость доли голосов, отданных за кандидата, от явки, является либо следствием электоральных фальсификаций, либо признаком особой электоральной культуры [Бузин и др., 2020]. Первый вариант невозможен из-за отсутствия каких-либо свидетельств прямых фальсификаций выборов в Республике Корея. А предположение о существовании в Каннаме особой, отдельной от все-

го Сеула и страны локальной электоральной культуры роднит Каннам с районами компактного проживания этнических меньшинств (курды в Турции) или религиозных меньшинств (ортодоксальный сектор в Израиле), создающих схожие электоральные эффекты.

5. Заключение

Национальные, региональные и, что самое главное, локальные общественные институты сформировали в Каннаме контекст, повлиявший на устойчивость электоральных предпочтений местных избирателей. Географический контекст района в соответствии с моделью Дж. Эгню определяет их не на каком-то конкретном уровне, а на всех масштабах сразу, в том числе и внутри самого Каннама [Agnew, 1996]. Неоднородность застройки в некоторых его районах и различные представления их жителей о границах Каннама создали внутреннюю электоральную дифференциацию, пожалуй, единственную во всем Сеуле, объяснимую с помощью одного-двух факторов.

Электоральная аномалия Каннама – продукт наложения друг на друга нетипичной партийной структуры Республики Корея, уникальной пространственной электоральной дифференциации, осложненной регионализмом, эффекта соседства, исключительного положения района внутри Сеула как в застройке, так и по социально-экономическим параметрам, сформировавшейся на этом фоне особой местной идентичности.

Каннам не просто богатый район, выделяющийся на электоральных картах определенным типом голосования. Электоральные предпочтения местных жителей

связаны не с его текущим положением в иерархии образовательных округов, самых дорогих или модных районов, а с накопленными за полвека представлениями каннамцев о своей привилегированности и исключительности. Именно контекст места для Каннама оказывается важнее любых иных факторов, влияющих на электро-ральное поведение.

Нерешенным остается вопрос об «экспансии» исследуемой электро-ральной аномалии за пределы Каннама. Экономическая активность, центры ночной жизни, наиболее престижные и дорогие кварталы постепенно появляются и в соседних с Каннамом районах, например в Ханнаме (Йонсан), Оксу и Сонсу (Сондон), расположенных на северном берегу Хангана напротив каннамского Апгуджона. Эффект соседства и «каннамизация» образа жизни может оказывать воздействие и на прилегающие к Каннаму с юга Соннам и Квачхон (районы провинции Кенгидо).

Каннам для корейцев – символ экономического и политического неравенства, а образ жизни каннамцев – предмет для зависти и подражательства. Каннамизация жилищного строительства, потребительских привычек и жизненных приоритетов способна создать локальные каннамы в Тэгу, Пусане или Тэджоне, но переймут ли местные жители и ориентацию на консервативный лагерь?

Источники

- Андропова Л.А. (2014) Партийная система Южной Кореи: традиции и современность // Вестник Томского государственного университета. История. Т. 27. № 1. С. 71–75.
- Бузин А.Ю. и др. (2020) Возможности математических методов по выявлению электро-ральных фальсификаций // Electoral Politics. № 2. С. 1–4.
- Горкин А.П. (2013) Социально-экономическая география: понятия и термины // Словарь-справочник. Смоленск: Ойкумена.
- Цой Ч.Е. (2015) Особенности политических партий Южной Кореи и их участие в государственном управлении // Политическая наука. № 1. С. 73–82.
- Agnew J. (1966) Mapping politics: how Context Counts in Electoral Geography // Political Geography. Vol. 15. No. 2. P. 129–146.
- Bae Y., Joo Y.M. (2020) The Making of Gangnam: Social Construction and Identity of Urban Place in South Korea // Urban Affairs Review. Vol. 56. No. 3. P. 726–757.
- Butler D., Stokes D. (1969) Political Change in Britain. New York: St. Martin's Press.
- Chang D., Bae Y. (2012) The Birth of Social Election in South Korea: 2010–2012. Berlin: Fesmedia Asia for Friedrich-Ebert-Stiftung. P. 1–44.
- Cho W., Kwon Y. (2021) The Era of Seoul's Rapid Growth (1960s–1970s): The Role of Ex-Military Elite Mayors // Cities. Vol. 110. P. 1–16.
- Choi E. (2013) Political Issues, Generation Gap, and Voting Behavior in South Korea: The 2010 Seoul Mayoral Election // East Asia. Vol. 30. No. 4. P. 237–254.
- Chon S. (1992) Political Economy of Regional Development in Korea // States and Development in the Asian Pacific Rim. Newbury Park, CA: Sage. P. 150–175.
- Duverger M. (1959) Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State. London: Methuen.
- Gelézeau V. (2007) Korean Modernism, Modern Korean Cityscapes, and Mass Housing Development: Charting The Rise Of Ap'At'ŭ tanji Since The 1960s // Korea Yearbook, Brill. P. 165–191.
- Ha S.K. (2004) Housing Renewal and Neighborhood Change as a Gentrification Process in Seoul // Cities. Vol. 21. No. 5. P. 381–389.
- Hahn Y., Wang L.C., Yang H.S. (2018) Does Greater School Autonomy Make a Difference? Evidence from a Randomized Natural Experiment in South Korea // Journal of Public Economics. Vol. 161. P. 15–30.
- Hix S., Jun H.W. (2009) Party Behaviour in the Parliamentary Arena: The Case of the Korean National Assembly // Party politics. Vol. 15. No. 6. P. 667–694.
- Hochul S. (2003) Regional Cleavage in Korean Politics and Elections // Korea Journal. Vol. 43. No. 2. P. 32–54.
- Huckfeldt R. et al. (1995) Political Environments, Cohesive Social Groups, and the Communication of Public Opinion // American Journal of Political Science. Vol. 39. No. 4. P. 1025–1054.
- Johnston R.J. (1974) Local Effects in Voting at a Local Election // Annals of the Association of American Geographers. Vol. 64. No. 3. P. 418–429.
- Jung D.H. (2004) Korean Chaebol in Transition // China Report. Vol. 40. No. 3. P. 299–303.
- Kang H.S. (2020) Exporting Urban Korea? Reconsidering the Korean Urban Development Experience. Oxon; New York: Routledge.
- Kim B.K. (1996) Parties, Elections, and the Party System // International Conference at Imin Institute, Korea University.
- Kim H.J. (2015). Elite Education and Hierarchy Reproduction in Seoul, South Korea: Grounded Theory Approach on University Entrance Preparatory Practice of Gangnam-elites.
- Kim I. (2021). Spatial Distribution of Neighborhood-Level Housing Prices and Its Association with All-Cause Mortality in Seoul, Korea (2013–2018): A Spatial Panel Data Analysis // SSM-Population Health. Vol. 16. P. 19–27.
- Kim J.I. (2014) Gangnam Style Again? The Origins of South Korean Urban Modernity // ARCC Conference Repository. P. 164–170.

- Kim J.I. (2015) The Birth of Urban Modernity in Gangnam, Seoul//ARQ: Architectural Research Quarterly. Vol. 19. No. 4. P. 369-379.
- Kim K.H., You S.D. (2021) The Global Financial Crisis and Transition out of Homeownership in Korea//Journal of Housing Economics. Vol. 54. P. 1-14.
- Korea Real Estate Agency (KREA). Режим доступа: <http://www.kab.co.kr> (дата обращения: 02.08.2021).
- Korean Statistical Information Service (KOSIS). Режим доступа: <http://kosis.kr/eng/> (дата обращения: 20.02.2021).
- Kwon K. (2004) Regionalism in South Korea: Its Origins and Role in Her Democratization//Politics & Society. Vol. 32. No. 4. P. 545-574.
- Kwon K. (2021) Polycentricity and the Role of Government-Led Development: Employment Decentralization and Concentration in the Seoul Metropolitan Area, 2000-2015//Cities. Vol. 111. P. 103-107.
- Lee D., Lee H. (2011) Cognitive Scale of Gangnam and the Rationale Behind Making Boundaries//Seoul Studies. Vol. 42. P. 123-171.
- Lee D.O., Brunn S.D. (1996) Politics and Regions in Korea: An Analysis of the Recent Presidential Election//Political Geography. Vol. 15. No. 1. P. 99-119.
- Lee M.W. (2016) «Gangnam Style» English Ideologies: Neoliberalism, Class and the Parents of Early Study-Abroad Students//International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. Vol. 19. No. 1. P. 35-50.
- Lee Y., You J. (2019) Is Class Voting Emergent in Korea?//Journal of East Asian Studies. Vol. 19. No. 2. P. 197-213.
- Lee Y.S. (2015) School Districting and the Origins of Residential Land Price Inequality//Journal of Housing Economics. Vol. 28. P. 1-17.
- Lett D.P. (1998) In Pursuit of Status: The Making of South Korea's «New» Urban Middle Class. Harvard Univ. Asia Center.
- Lijphart A. (1977) Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. Yale University Press.
- Lipset S.M., Rokkan S. (1967) Party System and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. Free Press, New York.
- Miller W.L. (1977) Electoral Dynamics in Britain since 1918. Springer.
- Morriss P. (1996) Electoral Politics in South Korea//Electoral Studies. Vol. 15. No. 4. P. 550-562.
- Park B.G. (2003) Territorialized Party Politics and the Politics of Local Economic Development: State-Led Industrialization and Political Regionalism in South Korea//Political Geography. Vol. 22. No. 8. P. 811-839.
- Park J. (2019) Neoliberalism Meets «Gangnam Style»: Vernacular Private Sector and Large Urban Developments in Seoul//Urban Planning. Vol. 4. No. 4. P. 62-72.
- Shin H.B. (2009) Property-Based Redevelopment and Gentrification: The Case of Seoul, South Korea//Geoforum. Vol. 40. No. 5. P. 906-917.
- Shin H.B., Kim S.H. (2016) The Developmental State, Speculative Urbanisation and the Politics of Displacement in Gentrifying Seoul//Urban Studies. Vol. 53. No. 3. P. 540-559.
- Yang M. (2018) The Rise of «Gangnam style»: Manufacturing the Urban Middle Class in Seoul, 1976-1996//Urban Studies. Vol. 55. No. 15. P. 3404-3420.

GANGNAM STYLE: The Role of Local Identity in the Electoral Behavior of Gangnam Residents (Seoul)

Fedor M. Chernetskii, Master's Student, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; 1 bldg. Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. E-mail: fedor.chern@yandex.ru

Abstract. This article examines the electoral anomaly of Seoul's Gangnam district created by the identity of its residents. The urban middle class of Seoul, which was formed as a large social group in the 1970s and 1980s, materialized in the Gangnam space. The actions of the authorities, real estate speculation, and the alienation of the district's residents created the division of Seoul residents into Gangnam people and other people. The district became a symbol of inequality. The homogeneity of the electoral preferences of Gangnam residents is a part of the middle-class homogenization of consumer habits, lifestyle, and values as a manifestation of the neighborhood effect. In the first decades of the district's existence the local electorate supported the incumbent presidents. After the transition of power from a military administration to the civilian one, one of the two main political groups, usually referred to as "conservative", inherited from the military group not only power, but also the support of the residents of Gangnam. The main electoral split in Korea manifests itself along regional lines, and the largest parties rely on their electoral bases in the southern regions of the country, while there is no stable predominance of support for any political force in Seoul. The only exception is Gangnam that consistently supports the conservatives. In a country where economic and social differences are barely noticed, identity, regional or local, becomes the main factor in voting. Gangnam is an example that demonstrates the importance of the geographical context when analyzing electoral support for a particular party or candidate in different districts of the city. The factor of place for electoral behavior here is more important than any of the extra-spatial factors that usually affect the results of voting. The concept of electoral cleavages in Gangnam is not applicable. We can conclude that the special electoral culture of this district is practically unaffected by social and economic changes in the city and

the country. The internal electoral differentiation of Gangnam is determined by the local context, the identity of local residents, and their belonging to the community.

Keywords: Republic of Korea; Gangnam; Seoul; political geography; electoral geography; identity
Citation: Chernetskii F. (2022) Gangnam Style: The Role of Local Identity in the Electoral Behavior of Gangnam Residents (Seoul). *Urban Studies and Practices*, vol. 7, no 2, pp. 71-86. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp72202271-86>

References

- Agnew J. (1966) Mapping Politics: How Context Counts in Electoral Geography. *Political Geography*, vol. 15, no 2, pp. 129-146.
- Andronova L.A. (2014) Partijnaya sistema Yuzhnoj Korei: tradicii i sovremennost [South Korea's Party System: Traditions and Modernity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], vol. 27, no 1, pp. 71-75. (in Russian)
- Bae Y., Joo Y.M. (2020) The Making of Gangnam: Social Construction and Identity of Urban Place in South Korea. *Urban Affairs Review*, vol. 56, no 3, pp. 726-757.
- Butler D., Stokes D. (1969) Political Change in Britain. New York: St. Martin's Press.
- Buzin A.Y. et al. (2020) Vozmozhnosti matematicheskikh metodov po vyavleniyu elektoralnykh falsifikacij [Possibilities of Mathematical Methods for Detecting Electoral Fraud]. *Electoral Politics*, no 2, pp. 1-4. (in Russian)
- Chang D., Bae Y. (2012) The Birth of Social Election in South Korea: 2010-2012. Berlin: Fesmedia Asia for Friedrich-Ebert-Stiftung, pp. 1-44.
- Cho W., Kwon Y. (2021) The Era of Seoul's Rapid Growth (1960s-1970s): The Role of Ex-Military Elite Mayors. *Cities*, vol. 110, pp. 1-16.
- Choi E. (2013) Political Issues, Generation Gap, and Voting Behavior in South Korea: The 2010 Seoul Mayoral Election. *East Asia*, vol. 30, no 4, pp. 237-254.
- Chon S. (1992) Political Economy of Regional Development in Korea. *States and Development in the Asian Pacific Rim*. Newbury Park, CA: Sage, pp. 150-175.
- Coi C.Y. (2015) Osobennosti politicheskikh partij Yuzhnoj Korei i ih uchastie v gosudarstvennom upravlenii [Features of South Korean Political Parties and their Participation in Public Administration]. *Politicheskaya nauka* [Political Studies], no 1, pp. 73-82. (in Russian)
- Duverger M. (1959) Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State. London: Methuen.
- Gelézeau V. (2007) Korean Modernism, Modern Korean Cityscapes, and Mass Housing Development: Charting the Rise of Ap'At'ū tanji since the 1960s. *Korea Yearbook*. Brill, pp. 165-191.
- Gorkin A.P. (2013). Social'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy. Slovar'-spravochnik [Socio-economic geography: concepts and terms. Dictionary]. Smolensk: Ojkumena. (in Russian)
- Ha S.K. (2004) Housing Renewal and Neighborhood Change as a Gentrification Process in Seoul. *Cities*, vol. 21, no 5, pp. 381-389.
- Hahn Y., Wang L.C., Yang H.S. (2018) Does Greater School Autonomy Make a Difference? Evidence from a Randomized Natural Experiment in South Korea. *Journal of Public Economics*, vol. 161, pp. 15-30.
- Hix S., Jun H.W. (2009) Party Behaviour in the Parliamentary Arena: The Case of the Korean National Assembly. *Party politics*, vol. 15, no 6, pp. 667-694.
- Hochul S. (2003) Regional Cleavage in Korean Politics and Elections. *Korea Journal*, vol. 43, no 2, pp. 32-54.
- Huckfeldt R. et al. (1995) Political Environments, Cohesive Social Groups, and the Communication Of Public Opinion. *American Journal of Political Science*, vol. 39, no. 4, pp. 1025-1054.
- Johnston R.J. (1974) Local Effects in Voting at a Local Election. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 64, no. 3, pp. 418-429.
- Jung D.H. (2004) Korean Chaebol in Transition. *China Report*, vol. 40, no 3, pp. 299-303.
- Kang H.S. (2020) Exporting Urban Korea? Reconsidering the Korean Urban Development Experience. Oxon; New York: Routledge.
- Kim B.K. (1996) Parties, Elections, and the Party System. International Conference at Imin Institute, Korea University.
- Kim H.J (2015). Elite Education and Hierarchy Reproduction in Seoul, South Korea: Grounded Theory Approach on University Entrance

- Preparatory Practice of Gangnam-elites.
- Kim I. (2021). Spatial Distribution of Neighborhood-Level Housing Prices and Its Association with All-Cause Mortality in Seoul, Korea (2013–2018): A Spatial Panel Data Analysis. *SSM-Population Health*, vol. 16, pp. 19–27.
- Kim J.I. (2014) Gangnam Style Again? The Origins of South Korean Urban Modernity. *ARCC Conference Repository*, pp. 164–170.
- Kim J.I. (2015) The Birth of Urban Modernity in Gangnam, Seoul. *ARQ: Architectural Research Quarterly*, vol. 19, no 4, pp. 369–379.
- Kim K.H., You S.D. (2021) The Global Financial Crisis and Transition out of Homeownership in Korea. *Journal of Housing Economics*, vol. 54, pp. 1–14.
- Kwon K. (2004) Regionalism in South Korea: Its Origins and Role in Her Democratization. *Politics & Society*, vol. 32, no 4, pp. 545–574.
- Kwon K. (2021) Polycentricity and the Role of Government-Led Development: Employment Decentralization and Concentration in the Seoul Metropolitan Area, 2000–2015. *Cities*, vol. 111, pp. 103–107.
- Lee D., Lee H. (2011) Cognitive Scale of Gangnam and the Rationale Behind Making Boundaries. *Seoul Studies*, vol. 42, pp. 123–171.
- Lee D.O., Brunn S.D. (1996) Politics and Regions in Korea: An Analysis of the Recent Presidential Election. *Political Geography*, vol. 15, no 1, pp. 99–119.
- Lee M.W. (2016) «Gangnam style» English Ideologies: Neoliberalism, Class and the Parents of Early Study-Abroad Students. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, vol. 19, no 1, pp. 35–50.
- Lee Y., You J. (2019) Is Class Voting Emergent in Korea? *Journal of East Asian Studies*, vol. 19, no 2, pp. 197–213.
- Lee Y.S. (2015) School Districting and the Origins of Residential Land Price Inequality. *Journal of Housing Economics*, vol. 28, pp. 1–17.
- Lett D.P. (1998) In Pursuit of Status: The Making of South Korea's «New» Urban Middle Class. Harvard Univ. Asia Center.
- Lijphart A. (1977) Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. Yale University Press.
- Lipset S.M., Rokkan S. (1967) Party System and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. Free Press, New York.
- Miller W.L. (1977) Electoral dynamics in Britain since 1918. Springer.
- Morriss P. (1996) Electoral Politics in South Korea. *Electoral Studies*, vol. 15, no 4, pp. 550–562.
- Park B.G. (2003) Territorialized Party Politics and the Politics of Local Economic Development: State-Led Industrialization and Political Regionalism in South Korea. *Political Geography*, vol. 22, no 8, pp. 811–839.
- Park J. (2019) Neoliberalism Meets «Gangnam Style»: Vernacular Private Sector and Large Urban Developments in Seoul. *Urban Planning*, vol. 4, no 4, pp. 62–72.
- Shin H.B. (2009) Property-Based Redevelopment and Gentrification: The Case of Seoul, South Korea. *Geoforum*, vol. 40, no 5, pp. 906–917.
- Shin H.B., Kim S.H. (2016) The Developmental State, Speculative Urbanisation and the Politics of displacement in gentrifying Seoul. *Urban Studies*, vol. 53, no 3, pp. 540–559.
- Yang M. (2018) The Rise of «Gangnam style»: Manufacturing the Urban Middle Class in Seoul, 1976–1996. *Urban Studies*, vol. 55, no 15, pp. 3404–3420.
- Korea Real Estate Agency (KREA). Available at: <http://www.kab.co.kr> (accessed 02 August 2021).
- Korean Statistical Information Service (KOSIS). Available at: <http://kosis.kr/eng/> (accessed 20 February 2021).